МЭРИ ЭЛИЗАБЕТ БРЭДДОН

ТАЙНА ПОМЕСТЬЯ ФЕРНВУД

18+

Мэри Брэддон
Тайна поместья Фернвуд

https://litres.ru/74742818
SelfPub; 2026

Аннотация

Лоренс никогда не видел человека, который много лет живёт в его доме. Мать навещает его украдкой, сестра не отходит от него, а слуги боятся вопросов.

Приехав в Фернвуд счастливой невестой, Изабель поначалу не придаёт этому значения. Но одна ночная встреча заставляет её искать объяснение. Почему все, кто любит её жениха, так старательно скрывают от него правду?

Готическая повесть Мэри Элизабет Брэддон. Полный перевод с иллюстрациями.

Содержание

Тайна поместья Фернвуд 4
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Мэри Брэддон
Тайна поместья Фернвуд

Тайна поместья Фернвуд

— Нет, Изабель, не могу сказать, чтобы леди Адела особенно горячо поддержала приглашение сына.

За последний час тётушка повторяла это уже в третий раз. Мы сидели друг против друга в вагоне первого класса йоркского экспресса. За окном, в послеполуденном солнце, мелькали плоские поля созревающей пшеницы — словно жёлтые тени. Мы ехали в Фернвуд, загородное поместье в десяти милях от Йорка: мне предстояло познакомиться с семьёй мистера Льюиса Уэндейла, за единственного сына которого, Лоренса, я собиралась замуж.

Мы с Лоренсом Уэндейлом познакомились совсем недавно, в мае, и провели вместе лишь май и июнь моего первого лондонского сезона. Я, осиротевшая наследница богатого калькуттского купца, жила тогда у тётушки — миссис Мэддисон Тревор, блистательной вдовы майора лейб-гвардии и единственной сестры моего отца. Тётушка весьма возражала против помолвки после шестинедельного знакомства, но порывистый молодой йоркширец не желал ничего слушать. Какие тут могут быть возражения? После смерти отца ему

достанутся Фернвуд и две тысячи в год; в день совершеннолетия незамужняя тётка отдаст ему сорок тысяч фунтов — моему пылкому возлюбленному ещё не исполнился двадцать один год. Что до семьи, пусть миссис Тревор заглянет в справочник Бёрка и прочтёт об Уэндейлах из Фернвуда. Его мать — леди Адела, младшая дочь лорда Кингвуда из замка Кингвуд в графстве Килдэр. Какие же возражения могут остаться? Его родные меня не знают, настаивала тётушка, и, возможно, не одобрят этого брака. Лоренс расхохотался — тем долгим, звонким, певучим смехом, который я так любила.

— Не одобрят? Не полюбят мою маленькую Беллу? Вот уж забавная мысль!

Тут же последовало приглашение в Фернвуд, подкреплённое письмом леди Аделы Уэндейл.

К этому письму тётушка возвращалась без конца. Оно было холодным, натянутым; леди Адела написала его лишь в угоду сыну. Как мало занимало меня тогда это письмо! А ведь оно было первым, едва заметным предостережением о страшной скале, о которую суждено было разбиться моей жизни; первым намёком на великую тайну, с которой оказались связаны судьбы стольких людей.

Письмо и впрямь было холодным. Леди Адела начинала с уверений, что будет чрезвычайно рада нас видеть, что ей не терпится познакомиться со своей очаровательной будущей невесткой. Но затем её светлость принималась описывать скуку Фернвуда и опасаться, как бы мы не пожалели о

долгом путешествии в глубь Йоркшира, в уединённый дом, где нас ожидают лишь капризный больной, две нервные женщины и молодой человек, всецело преданный сельскому хозяйству и охоте.

Но мне ли бояться скуки там, где будет мой весёлый Лоренс? Я отвергла все тётушкины возражения, заказала полдюжины новых платьев и увезла миссис Мэддисон Тревор на вокзал Великой Северной железной дороги прежде, чем она успела запротестовать.

Лоренс выехал раньше нас, чтобы проверить, всё ли готово к нашему приезду, и обещал встретить нас в Йорке, а оттуда довезти до Фернвуда в своём высоком фаэтоне. Когда поезд подошёл к станции, он уже стоял на платформе, сияя молодостью и счастьем.

Лоренс Уэндейл был очень красив, но, пожалуй, больше всего пленяли в нём та удивительная жизнерадостность, та неутомимая энергия и несокрушимая бодрость, которыми он так отличался от всех знакомых мне молодых людей. Силы в нём было столько, что она словно передавалась окружающим каким-то магнетическим путём. С Лоренсом я никогда не уставала. С ним я могла дольше вальсировать, дольше ездить верхом по Роттен-Роу; когда он был рядом, мне легче давалось высидеть оперу или осмотреть картинную выставку. Весь дом оживал с его приходом; его радостный смех разносился по всем комнатам. Казалось, горю не было места там, где находился он.

Особенно ясно я почувствовала это на подъезде к Фернвуду. Вокруг лежала голая, унылая местность; по обе стороны просёлочной дороги далеко тянулись пустоши. Солнечный день померк; небо стало холодным и серым, низкие свинцовые тучи нависли над землёй и заслонили тусклый горизонт. Но ни пейзаж, ни погода не могли повлиять на Лоренса. В тот день он был веселее обыкновенного.

— Для вас, дамы, приготовили дубовые покои, — сказал он. — Торжественные, величественные комнаты: кровати под высокими балдахинами, украшенными траурными перьями, чёрные дубовые панели, портреты давно почивших Уэндейлов. Госпожа Аврора с фижмами и пастушеским посохом; госпожа Лидия с локонами а-ля Севинье и жемчужным ожерельем; Мортимер Уэндейл в парике рамильи; Теодор с длинными кудрями, в бархатном камзоле и сапогах из испанской кожи. Целое собрание! Ждите: в колдовской час они сойдут с рам и явятся греть ледяные пальцы у ваших угольных каминов. Ваш приезд произвёл настоящий переполох в нашей скучной обители. Кажется, мать сегодня раз шесть отрывалась от последнего нового романа, чтобы осведомиться, всё ли готово, а моя милая, деятельная, терпеливая, неутомимая сестра Люси с самого завтрака бегает по дому и распоряжается приготовлениями.

— Твоя сестра Люси! — подхватила я последние слова. — Как я её полюблю, Лоренс!

— Надеюсь, милая, — ответил он почти серьёзно, — по-

тому что лучше и дороже сестры у меня не могло быть. И всё-таки я немного боюсь: Люси на десять лет старше тебя, она серьёзна, сдержанна, порой почти печальна. Но если когда-нибудь изгнанный ангел ступал по земле в человеческом обличье, то этим ангелом-хранителем была моя сестра Люси.

— Она похожа на тебя, Лоренс?

— На меня? О нет, ничуть! Мы ведь с нею только по отцу брат и сестра. Она похожа на свою мать, которая умерла молодой.

С этими словами мы подъехали к воротам Фернвуда. Высокие деревянные створки стояли между обветшавшими, поросшими мхом каменными столбами. В покосившейся сторожке жила неряшливая женщина; её дети играли на квадратном клочке земли, засаженном капустой и смородиной, обнесённом гнилым частоколом и громко именовавшемся садом. От сторожки примерно на полмили тянулась аллея; в конце её мрачно высился большой краснокирпичный дом в тюдоровском стиле — скорее бросая нам вызов, чем приветствуя. Парк был совершенно запущен: у стволов теснился спутанный подлесок; в длинных просветах между деревьями густо рос папоротник, перемежаясь с уединёнными прудами чёрной воды. У их тихих берегов слышались хлопанье крыльев цапли и глухое кваканье целого лягушачьего войска.

Первый взгляд на Фернвуд.

Леди Адела была права: Фернвуд навевал уныние. Пока мы ехали по тёмной аллее, я едва удерживалась от дрожи, а у бедной тётушки слышно стучали зубы. Привыкшая прово-

дить три четверти года на Онслоу-сквер, а осень — в Брайтоне или Райде, она тяжело переносила вид этого безрадостного йоркширского поместья: нервы у неё и без того были слишком чувствительные.

Лоренс словно угадал причину нашего молчания.

— Поместье ужасно запущено, миссис Тревор, — сказал он извиняющимся тоном, — но, уверяю вас, я не намерен оставлять всё как есть. Прежде чем привезти мою нежную маленькую Беллу царствовать в Фернвуде, я вызову сюда целую армию садовых архитекторов и обойщиков и постараюсь превратить эту мрачную глушь в земной рай. Не могу понять, почему всё довели до такого состояния. Уж конечно, не из-за недостатка денег, а тем более не из-за недостатка времени: отец человек праздный, и, казалось бы, ремонт и перестройки могли стать для него приятным увлечением. Нет, никакой причины для такого запустения не было.

Последние слова он произнёс скорее для себя, чем для нас, словно отвечал на собственные давние размышления. Я внимательно смотрела на него: таким задумчивым он бывал редко. Вскоре он заговорил почти прежним тоном:

— Теперь, когда мы уже у порога Фернвуда, мне, пожалуй, следует предупредить вас, дамы: семейство у нас на редкость унылое. У нас есть всё для счастья, а мы словно вечно живём под чёрной тучей. Сколько я помню отца, он всегда медленно угасал — почти как это запущенное поместье, — и теперь совсем превратился в больного, хотя определённой болезни

у него нет. Мать целыми днями читает романы и, кажется, живёт одними нашатырными и лавандовыми каплями. Сестра, единственный деятельный человек в доме, всегда задумчива, а нередко и печальна. Я говорю это лишь затем, чтобы вы не удивлялись тому, что увидите, а вовсе не затем, чтобы вас расстроить. Уж положитесь на меня: я постараюсь исправить наш мрачный домашний уклад. Домочадцы привыкли хандрить просто оттого, что им слишком хорошо живётся и нечем огорчаться.

Он умолк, когда фаэтон остановился перед широкой каменной лестницей. Ещё через пять минут Лоренс помог тётушке и мне сойти и ввёл нас к леди Аделе и мисс Люси Уэндейл.

Как и следовало ожидать после рассказа сына, леди Аделе была поглощена романом. При нашем появлении она бросила книгу и вышла навстречу довольно сердечно — даже словно с благодарностью за то, что мы нарушили её уединение.

— Как мило, что вы приехали, — сказала она, обнимая меня тонкими руками почти с материнской нежностью. — И как любезно с вашей стороны, дорогая миссис Тревор, оставить все городские удовольствия ради того, чтобы привезти ко мне эту милую девочку. Поверьте, мы сделаем всё, чтобы вам было у нас удобно, если вы только примиритесь с почти полным отсутствием общества. Со времён детства моего сына мы вовсе не принимаем гостей; едва ли в списке моих

знакомых наберётся полдюжины имён.

Леди Адела была изящной женщиной в самом расцвете лет, но красивое лицо её осунулось от забот; вокруг печальных голубых глаз и губ, придававших лицу задумчивое выражение, уже залегли преждевременные морщины. Пока она беседовала с тётушкой, мы с Люси Уэндейл подошли ближе друг к другу.

Сестру Лоренса никак нельзя было назвать красавицей. Бледная, с желтоватым лицом, тёмными волосами и довольно тусклыми серыми глазами, она казалась женщиной, в чьей жизни ещё в ранней юности погасло счастье. Какое-то скрытое горе не забылось, не смягчилось со временем, а росло вместе с нею и становилось всё сильнее, пока не сделалось частью её самой. Несчастная любовь, думала я; жестокий удар, разбивший первые девичьи мечты и оставивший женщине лишь скорбь о роковом заблуждении. Совсем не зная жизни, я полагала, что только такое горе способно навсегда опустошить женское сердце.

— Вы постараетесь быть счастливой в Фернвуде, Изабель? — мягко спросила мисс Уэндейл, усаживая меня рядом с собой; Лоренс ласково склонился над нами обеими. Как бы мы ни были дороги друг другу, не думаю, чтобы он любил меня так, как эту бледную сестру. — Постараетесь, правда, милая? Лоренс объезжает для вас, кажется, самую хорошенькую рыжую кобылку во всём Йоркшире, чтобы вы могли ездить с нами по окрестностям. Я слышала, какая вы смелая наезд-

ница. Для вас настроили рояли и заново обтянули бильярдный стол, чтобы и в дождь вам было чем заняться. Общества мы предложить не можем, но всё остальное сделаем, лишь бы вы не скучали.

— С вами я буду здесь очень счастлива, милая Люси, — ответила я. — Вы все так много говорите о скуке Фернвуда, а ведь вас саму с этим старым домом наверняка связывает столько дорогих воспоминаний.

Она опустила глаза; сквозь желтоватую бледность щёк проступил едва заметный румянец.

— Я не очень люблю Фернвуд, — серьёзно сказала она.

Значит, именно в Фернвуде постигло её великое несчастье, подумала я.

— Нет, Люси, — почти нетерпеливо произнёс Лоренс, — все знают, что это унылое место медленно тебя убивает, а ты ни за что не хочешь отсюда уехать. Мы все едем в Скарборо или Бёрлингтон, мама отправляется в Харрогейт, я вырываюсь в Лондон проветриться после деревенской жизни и посмотреть, что делается за этими мрачными воротами, — а ты упрямо остаёшься дома. И единственная причина — необходимость заботиться об этом твоём несчастном больном, мистере Уильяме.

Я держала Люси за руку и почувствовала, как дрогнули её бедные исхудалые пальцы. Любопытство моё разгорелось.

— Мистер Уильям? — невольно переспросила я.

— Ах да, Белла, я забыл рассказать тебе об этом члене

семьи. Впрочем, мне простительно: я сам его никогда не видел. Мистер Уильям — бедный родственник отца, безнадёжно больной; кажется, он не встаёт с постели, верно, Люси? За ним ухаживают сильный мужчина и опытная сиделка, а занимает он весь верхний этаж одного крыла. Несмотря на свою болезнь, бедняга, должно быть, удивительно привлекателен. Мать ходит к нему каждый день, но так украдкой, словно тайком посещает осуждённого преступника. Я часто встречал отца, когда он выходил оттуда, — бледного и печального; а сестра так привязана к этому больному приживальщику, что, как я уже говорил, ничем её не заставишь уехать: вдруг сиделка или служитель плохо за ним присмотрят.

Рука Люси всё ещё лежала в моей, но теперь уже не дрожала. Мог ли этот бедный родственник, этот беспомощный больной иметь отношение к печальной тайне её жизни? Но нет, едва ли: отвечая брату, она подняла голову с совершенным спокойствием.

— Постепенно забота об этом несчастном молодом человеке стала всей моей жизнью, Лоренс. Пока он жив, я не покину Фернвуда.

Молодой человек! Значит, мистер Уильям молод.

Люси сама проводила нас в прекрасные покои, приготовленные для тётушки и меня. Между нашими спальнями проходил коридор; из него открывались двери в две гардеробные и хорошенький будуар. Все эти комнаты выходили окнами в парк. Моя спальня находилась в самом углу дома и

имела две двери: одна выходила в коридор, соединявший её с тётушкиными комнатами, другая — в галерею во всю длину здания. Выглянув в галерею, я увидела в противоположном крыле дверь, обитую сукном. Эта тяжёлая дверь возбудила моё любопытство. Вероятно, она и отделяла от внешнего мира больного родственника Лоренса Уэндейла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.